

Амбре Науар

**У каждой жизни есть
предел**

Амбре Науар

У каждой жизни есть предел

«Автор»

2026

Науар А.

У каждой жизни есть предел / А. Науар — «Автор», 2026

Есть люди, которые живут до ста лет и не проживают ни одного дня. Есть те, кто уходит в тридцать, но успевает вместить в себя целую вечность. Почему? Эта книга не про смерть. Она про то, что происходит до неё. Про невидимый сосуд внутри каждого из нас, который наполняется не временем, а настоящим. Про людей, которые боятся чувствовать и теряют себя. Про тех, кто горит и сгорает, но по-настоящему. Герой этой истории научился видеть чужие пределы и понял, что самый страшный конец не тот, когда сердце останавливается. А тот, когда внутри уже давно всё замолчало, а тело просто ещё не знает. Это книга для тех, кто чувствует, что живёт на черновик. Для тех, кто откладывает настоящее на потом. Для тех, кто боится края, не понимая, что именно на краю видно всё. У каждой жизни есть предел. Но предел это не приговор. Это приглашение. Перестать нести пустой стакан и, наконец, наполнить его. До краёв.

© Науар А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Те, кто не живёт	5
Глава 2 Человек, который решил не чувствовать	7
Глава 3 Та, что горела	9
Глава 4 Здесь и сейчас	12
Глава 5 Мой край	15
Глава 6 После дождя	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Амбре Науар

У каждой жизни есть предел

Глава 1 Те, кто не живёт

Я давно заметил: самые тихие люди — самые пустые.

Не в смысле глупые, нет, совсем нет. Они умные, аккуратные, всё делают правильно: встают в одно и то же время, едят одно и то же, говорят одни и те же фразы. И ты смотришь на них и не можешь понять, где внутри них человек. Как будто кто-то выключил свет в их "комнате", но дверь оставил открытой. Вроде есть, а вроде нет.

Я сам был таким. Довольно долго.

Знаешь, есть такой способ жить, когда ты всё время откладываешь. Не на потом, нет. Ты же живёшь. Ты ходишь на работу, платишь за квартиру, иногда даже улыбаешься, но внутри как будто ты стоишь в прихожей и не решаешься войти в свою собственную жизнь. Потому что там, внутри, — настоящее. А настоящее оно больно. Оно требует. Оно спрашивает: «А ты вообще чего хочешь?»

И ты отвечаешь: «Ничего. Нормально всё. Давай не будем».

Вот так люди и "растягивают" себя: не живут, а существуют, не чувствуют, а терпят, не выбирают, а плывут по течению, потому что течение не спрашивает, куда ты хочешь.

И знаешь, что самое страшное? У них всё получается. Они доживают до старости. У них нет драм, нет катастроф, нет шрамов. Они аккуратно обходят все острые углы. И в конце оглядываются назад и не понимают, где была их жизнь. Потому что её не было. Был набор дней. Много дней. Но жизни не было.

Я однажды встретил женщину. Ей было шестьдесят три. Она сидела в парке на скамейке и смотрела на деревья. Просто смотрела. Я сел рядом, не знаю зачем, просто сел. И мы промолчали минут двадцать, а потом она сказала:

— Я не помню ни одного дня, за который мне не стыдно.

Я подумал —ну, может, она про стыд какой-то глубокий, про ошибки.

А она посмотрела на меня и сказала:

— Нет, я не про стыд, я про то, что мне нечего вспомнить. Вообще ничего. Ни одного момента, когда я была по-настоящему здесь.

И у неё не было слёз. Вот это меня и напугало. Потому что человек, который плачет ещё живой. А она просто констатировала, как погоду.

Вот что я понял потом. Есть такая штука я не знаю, как это назвать. Может, душа, может, энергия, может, просто ты сам, настоящий. У каждого из нас есть какой-то объём. Не времени нет. Объём проживания. Сколько ты можешь вместить. Сколько боли, сколько радости, сколько правды ты способен выдержать и не сломаться.

И вот эти люди, которые всё избегают, они не экономят этот объём, они его не тратят. Они просто позволяют ему гнить, как вода в стакане, который никто не пьёт. Она не исчезает, она становится мутной и однажды ты подносишь этот стакан к губам, а пить нечего.

Они боятся конца. Все боятся. Но эти боятся так сильно, что решили вообще не начинать. И вот парадокс: они живут дольше всех и умирают раньше всех. Потому что умереть это не когда сердце останавливается, это когда внутри уже давно всё остановилось, а тело просто не знает об этом.

Я не осуждаю их, правда, потому что я был одним из них. Я годами жил так, будто моя жизнь это только лишь черновик. Будто настоящая версия ещё впереди. Будто вот-вот случится что-то и тогда я наконец начну.

Ничего не случилось.

И тогда я понял: черновик это и есть жизнь. Переписать не дадут никому.

Глава 2 Человек, который решил не чувствовать

Его звали Марк. И он был самым спокойным человеком, которого я когда-либо встречал. Не в смысле «тихий» или «скромный». Нет. Он был спокоен так, как спокойна река зимой — сверху лёд, снизу темнота и ничего не шевелится. Ты мог сказать ему что угодно — он кивал. Мог обидеть — он улыбался. Мог уйти — он не оборачивался. Я познакомился с ним случайно. Мы работали в одном месте, сидели рядом. И первые месяцы я думал: ну, нормальный мужик. Спокойный, надёжный, предсказуемый. А потом я начал замечать странности. Он никогда не ел на обед с остальными. Всегда один. Не потому что стеснялся, нет. Он просто не хотел. Однажды я спросил:

— Марк, а тебе вообще нравится еда? Он посмотрел на меня. Долго.

И сказал:

— Еда — это топливо. Мне не нужно, чтобы топливо нравилось.

И я тогда не понял. А потом понял: он так про всё говорил.

Про всё: он не пил, не курил, не смотрел фильмы, не слушал музыку, не влюблялся, не дружил. У него была квартира, работа, маршрут от дома до работы и обратно. И всё. Как у робота. Только робот хотя бы выполняет задачу. А Марк просто существовал.

Я спросил его однажды напрямую. Мы сидели на крыше, ночь, город внизу гудел.

Я спросил:

— Марк, а ты вообще когда-нибудь чувствовал что-то? Ну, по-настоящему?

Он помолчал. А потом сказал вещь, от которой у меня до сих пор мурашки:

— Чувства — это дыры, через них утекает то, что ты есть, я решил их закрыть.

Я не сразу понял, что он имеет в виду. А потом понял. Он верил, реально верил, что у человека есть какой-то запас. Не здоровья, не времени, чего-то другого. Чего-то внутреннего. И что каждый раз, когда ты любишь, злишься, плачешь, смеёшься — ты тратишь этот запас. Как батарейку. И если ты будешь чувствовать слишком много — ты "сядешь" раньше времени. И он решил не "садиться". Знаешь, в этом даже есть логика, если подумать, то она железная: не чувствуешь не больно, не больно не страшно, не страшно не тревожно, не тревожно спокойно, спокойно — живёшь долго. Формула простая. И она работает.

Марку было сорок два, он выглядел на тридцать, ни одной морщины от переживаний, ни одного шрама. Чистый, гладкий, как камень, который никогда не касался воды. Но вот что я заметил. Однажды я пришёл к нему домой, он сам позвал, впервые за два года. Я зашёл. Квартира идеальная: ни пылинки, ни фотографий, ни книг, ничего личного, как номер в отеле, из которого только что выехал гость. И он сидел посреди комнаты. На полу. Просто сидел.

— Марк? Ты чего? Он поднял на меня глаза. И я увидел то, чего раньше не видел. В них не было ничего, вообще ничего. Не грусть, не радость, не страх — ничего. Как два выключенных экрана.

— Я не могу вспомнить, как выглядит моя мать, — сказал он тихо, без эмоций. Просто констатация.

— Как это — не можешь?

— Я помню факты. Рост, цвет волос, год смерти, но лицо — нет. Я его стёр. Давно. Потому что когда она умерла я решил не чувствовать. И не почувствовал. А теперь не могу вспомнить. Потому что то, что не чувствовал, того и не запомнил.

Он сказал это так спокойно, будто рассказывал про погоду. А у меня внутри всё сжалось. Вот в чём штука. Марк думал, что сохраняет себя, что он умный, что он нашёл лазейку, что он обманул систему, но систему не обманешь. Потому что запас, который он «берёт» он не копился, он не рос, он просто стоял на месте, как вода в закрытой бутылке. Она не становится больше от того, что ты её не пьёшь. Она стоит и однажды ты открываешь бутылку, а она пустая.

Не потому что кто-то выпил, а потому что вода испарилась. Тихо. Без следа. Марк не умер. Он жив. До сих пор ходит на работу, ест своё топливо, спит в своей пустой квартире. Но он не здесь, он нигде, он где-то между «был» и «будет» и в этом месте ничего нет.

Иногда я думаю: может, это и есть настоящая смерть. Не когда сердце останавливается, а когда внутри уже ничего не осталось, а тело продолжает ходить. Марк решил не тратить себя и в итоге потерял себя целиком. Потому что ты это и есть то, что ты чувствуешь. Убери чувства и от тебя ничего не останется. Даже память. Даже лицо матери. Даже собственное имя. Он сэкономил всё. И потратил на ничего.

Глава 3 Та, что горела

Если Марк был льдом, то она была огнём.

Я встретил её случайно, как и всех важных людей в моей жизни. Ничего важного не планируется. Это потом ты оглядываешься и думаешь: вот оно. Вот тот момент. А в тот момент ты просто шёл по улице и она стояла у входа в метро и играла на гитаре.

Её звали Лина. И она была, я даже не знаю, как это описать. Она была как открытая рана. В хорошем смысле. Знаешь, бывает, вот смотришь на человека и у тебя внутри что-то сжимается. Не от страха, а от узнавания, как будто ты видишь то, что сам давно спрятал.

Она пела не красиво, не профессионально. Хрипло, криво, с надрывом и люди проходили мимо. Кто-то бросал монетку, кто-то ускорял шаг. А она пела и ей было плевать, ей реально было плевать.

Я остановился не потому что песня была хорошая, а потому что я увидел ее.

У неё был свет. Не в глазах, нет, это банально. Он был вокруг неё, как марево, как дрожание воздуха над асфальтом в жару. Только это был не жар, это было что-то другое. Что-то, от чего у меня заныло в груди. Я потом понял: это был её предел. Он был виден. Не как у Марка, у которого всё было закрыто. У Лины всё было открыто. Настежь. Как дверь в горящий дом.

Мы познакомились просто. Я сел рядом на ступеньки. Она допела, посмотрела на меня, улыбнулась и сказала:

— Ты чего застыл?

— Не знаю, — сказал я. И это была правда.

— Нормально, — сказала она. — Я тоже не всегда знаю, зачем останавливаюсь.

Лина была из тех людей, которые чувствуют всё. Всё. Без фильтра. Без тормозов. Без «а может, не надо». Она любила так, что стены тряслись; злилась так, что стекло звенело; плакала так, что у прохожих останавливалось сердце; смеялась так, что забывала дышать.

Она не выбирала, она просто была целиком. Каждый раз. Каждый чёртов раз.

И я смотрел на неё и мне было одновременно восхитительно и страшно, потому что я видел, как быстро она горит.

Знаешь, есть свечи, которые горят ровно и долго. А есть те, что вспыхивают и сгорают за час. Но за этот час освещают всю комнату. Лина была такой свечой.

Ей было двадцать девять. А выглядела она, я не шучу, как человек, который прожил три жизни. В её глазах было столько всего, что мне иногда хотелось отвести взгляд. Не потому что неприятно, а потому что слишком. Слишком много. Слишком честно. Слишком настояще.

Однажды ночью мы сидели на крыше. Она курила тонкую сигарету, держала её так, будто это была последняя. Может и была. Она всегда курила так, будто последняя.

— Лин, — спросил я. — Ты не боишься?

— Чего?

— Ну... что закончится.

Она затянулась, выдохнула, посмотрела на меня и сказала вещь, которую я запомнил навсегда:

— А чего бояться? Оно и так закончится. Вопрос не в том, когда. Вопрос в том, было ли что-то внутри.

Она не думала о пределе. Вообще. Она знала, что он есть, чувствовала, наверное, как я чувствую холод. Но она не пыталась его обойти, не пряталась от него, не торговалась, она просто шла к нем и несла всё, что могла.

И вот что я заметил-люди тянулись к ней. Как мотыльки. Не потому что она была красивая, хотя была. Не потому что она была весёлая, хотя и это тоже. А потому что рядом с ней ты

вспоминал, что ты живой. Она как зеркало, только не кривое, как у большинства, а настоящее. Ты смотрел на неё и видел себя: настоящего, того, которого спрятал. Но за это она платила.

Я видел, как она устаёт. Не физически. Внутренне. Бывало сидим, разговариваем и вдруг она замолкает, смотрит в одну точку и в глазах - пустота. Не как у Марка, у него пустота была постоянная, ровная, мёртвая. У Лины пустота была как яма- глубокая, чёрная, она падала в неё и на секунду исчезала.

А потом возвращалась и снова горела.

Однажды она сказала мне:

— Знаешь, что самое тяжёлое? Не боль. Боль это просто. Это честно. Самое тяжёлое это когда ты чувствуешь так много, что тело не выдерживает. И ты стоишь посреди улицы и тебе двадцать девять лет и ты чувствуешь себя на сто. Потому что ты прожил столько, сколько другие не проживают за всю жизнь.

Она говорила это спокойно, без жалости к себе, просто как факт.

— А ты не хочешь... ну... чтоб полегче было? — спросил я.

Она посмотрела на меня. И в её взгляде было что-то такое, от чего мне стало стыдно. Не за вопрос за то, что я вообще мог такое спросить.

— Полегче это для тех, кто не живёт, — сказала она. — Я не хочу легче, я хочу настоящее. Даже если оно тяжёлое. Даже если оно убивает. И она не шутила.

Я стал замечать, как она меняется. Не сразу, постепенно, как цветок, который распускается слишком быстро и начинает вянуть прямо на глазах. Она всё ещё пела, всё ещё любила, всё ещё горела, но огонь стал другим: не ярким - тусклым, е горячим - тлеющим. Как угли, которые вот-вот погаснут.

Ей было тридцать один, когда я увидел её в последний раз.

Она сидела в том же метро, у того же входа, но гитары не было. Она просто сидела на ступеньках и смотрела на людей.

Я сел рядом, она улыбнулась. Но улыбка была другая. Не та. Раньше её улыбка освещала всё вокруг, а теперь -просто движение губ. Красивое, но пустое.

— Лин?

— Привет, — сказала она. Тихо.

— Ты как?

Она помолчала долго, потом сказала:

— Знаешь, я не жалею ни о чём, ни о секунде. Я прожила больше, чем большинство людей за три жизни. Я любила так, что больно. Я чувствовала так, что невозможно. Я была настоящей каждую секунду.

Она посмотрела на меня. И в её глазах я увидел то, чего раньше не видел. Покой. Не пустоту, нет. Покой. Как у человека, который сделал всё, что мог и больше ничего не нужно.

— Но я устала, — сказала она. — Так устала, что не могу объяснить. Это не физическая усталость. Это когда внутри всё. Всё, что можно было почувствовать почувствовано и осталось ничего. Не пустота, просто всё. Как стакан, который налили до краёв. Больше не влезет ни капли.

Она сказала это и я понял. Она дошла до своего предела. Не потому что умерла, а потому что наполнилась, до краёв, до последней капли.

И знаешь, что самое странное? Она не выглядела несчастной, она выглядела завершённой. Как книга, у которой есть последняя страница и на этой странице точка. Не многоточие. Точка.

— Лин, — сказал я. — А что дальше?

Она улыбнулась. Той самой улыбкой, которая когда-то освещала всё вокруг.

— А дальше ничего и это прекрасно.

Она встала, поправила куртку, посмотрела на небо и ушла. Просто ушла, не обернувшись. Я больше её не видел.

Но иногда ночью, когда тихо мне кажется, что я слышу гитару. Где-то далеко. Хриплую, кривую, надрывную. И я закрываю глаза и на секунду мне кажется, что я снова сижу на тех ступеньках и рядом она. И она горит и ей не страшно.

Лина не боялась конца. Она его не ждала нет. Она его не избегала. Она шла к нему с открытыми глазами и когда дошла не закрыла их. Она посмотрела и улыбнулась.

А я до сих пор не могу решить, кто из них был прав. Марк, который сохранил себя и потерял или Лина, которая потратила всё и нашла.

Может правда где-то посередине, а может её нет вообще. Может, каждый выбирает свой стакан и сам решает: пить или нести пустым. Но одно я знаю точно. Лина жила по-настоящему, до последней капли и когда её стакан опустел, в нём не было мути, не было осадка, не было ничего лишнего. Он был чистый. Как она сама.

Глава 4 Здесь и сейчас

После Лины я долго не мог ни с кем говорить. Не потому что было грустно, а потому что было пусто внутри. Как будто она забрала с собой что-то важно: не вещь, не воспоминание, что-то живое внутри, как будто вытащила из меня какую-то деталь и ушла. А я остался, с дыркой. И вот в эту дырку полезли они - учителя, гуру, наставники, целители...все, кто знает, как жить, все, кто видел свет, все, кто «проснулся». Их было, как грязи после дождя. Стоило только выйти на улицу. Я сначала не верил. Ну, думаю, очередные шарлатаны, которые сидят в красивых залах, говорят красивые слова, берут красивые деньги, а потом домой, в свою обычную жизнь, где всё так же серо и скучно.

Но потом я встретил его. Его звали Сергей и он был другим. Не как остальные и не в смысле лучше или хуже. Другим. Как будто он был сделан из другого материала. Я попал к нему случайно. Друг потащил на какой-то семинар.

«Пробуждение», — сказал он.

Я хотел отказаться, но пошёл, потому что мне было всё равно. А когда тебе всё равно ты идёшь куда угодно.

Зал был обычный: стулья, сцена, проектор... Люди сидели, такие же потерянные, как я. Кто-то с надеждой в глазах, кто-то с усталостью, кто-то просто пришёл, потому что некуда было деться.

И вышел он. Сергей. Он не был похож на гуру. Вообще. Никаких белых одежд, никакой бороды, никакого пафоса. Обычный мужик лет пятидесяти: седые виски, спокойные глаза, говорил тихо, не кричал, не давил, просто говорил. И ты слушал, не потому что он заставлял, а потому что хотел. Он сказал вещь, от которой у меня мурашки побежали:

— У каждого из вас есть сосуд и вы все думаете, что он маленький, что вам не хватит, что жизнь слишком короткая, я вам скажу - сосуд можно расширить. Зал замер. Я тоже замер, потому что это было именно то, что я хотел услышать. Именно то.

— Но не так, как вы думаете, — сказал он. — Вы думаете, что расширить сосуд это прожить больше. Съездить в больше стран, попробовать больше вещей. Нет. Это не расширение. Это растягивание. Вы растягиваете резину. Она становится тоньше и рвётся. Он сделал паузу. Посмотрел в зал. И сказал:

— Расширить сосуд - это не добавить, это убрать. Убрать всё лишнее, всё, что вы натаскали внутрь за годы: страхи, обиды, чужие мнения, чужие жизни. Всё это не ваше. И оно занимает место. Место, которое могло бы быть вашим.

Я сидел и думал - ну вот сейчас начнётся, сейчас он скажет, что за это надо платить, что есть курс, что есть уровни, что есть «продвинутые практики» за отдельные деньги. Но он не сказал. Он просто говорил. Час. Два. Три. И люди плакали. Не от жалости к себе, а от облегчения. Как будто кто-то наконец сказал то, что они всегда знали, но не могли сформулировать.

Я подошёл к нему после. Сказал:

— Сергей, а это правда? Можно расширить? Он посмотрел на меня. Долго.

И сказал:

— Можно. Но не все хотят. Потому что расширять больно. Это не добавлять, это выковыривать, а выковыривать значит кровоточить.

И я повёлся. Конечно повёлся, потому что я тогда был как все. Я хотел халявы, хотел, чтобы мне дали ответ, чтобы кто-то пришёл и сказал: вот, держи. Вот формула. Вот инструкция. Живи дольше. Чувствуй больше. Не бойся. Всё будет хорошо. И Сергей дал. Он не брал денег. Вообще. Ни копейки. Он просто учил. Бесплатно. По вечерам. В обычной квартире. Человек десять - пятнадцать сидели на полу, слушали, делали какие-то практики, дышали, молчали, смотрели внутрь.

И знаешь работало. Реально работало. Я начал чувствовать. Не как Лина - я не горел. Но я начал замечать, замечать, что я ем, что я чувствую, что я думаю, что я здесь. Не в голове, не в прошлом, не в будущем. Здесь и Сейчас. Это было как проснуться. Реально. Как будто всю жизнь ты спал с открытыми глазами и вдруг закрыл, открыл и увидел.

Я стал другим, спокойнее, честнее. Я перестал врать себе, перестал прятаться, перестал откладывать. Я начал жить по-настоящему, медленно, тихо, но по-настоящему. И вот тут началось, потому что Сергей сказал нам однажды:

— Вы расширили сосуд. Теперь наполняйте. И я наполнял. Жадно. Как будто боялся, что отберут. Я чувствовал всё: каждый день, как подарок; каждый разговор, как откровение; каждый закат, как последний. И я заметил: мой предел сдвинулся. Я видел его, он был дальше, намного дальше. Как будто кто-то отодвинул стену и за ней - ещё пространство, ещё жизнь, ещё - всё. Я был счастлив. Реально счастлив. Впервые за долгое время. А потом я заметил кое-что. Сергей он не старел. Нет, не в смысле «выглядит молодо». Не, он вообще не менялся. За полгода ни на ден, ни на морщину, ни на взгляд. Он был таким же, как в первый день - спокойный, ровный, тихий. И я подумал - ну, может, он просто ухоженный, может генетика, может мне кажется.

А потом я посмотрел на других. На тех, кто ходил к нему давно. Год. Два. Пять. Они тоже не менялись. Не в смысле молодости. В смысле пустоты. Они были спокойные, ровные, тихие, как Сергей. И меня прошибло.

Я пришёл к нему ночью один. Он открыл дверь, посмотрел на меня и сказал:

— Я знал, что ты придёшь.

— Сергей, — сказал я. — Что ты с нами делаешь? Он не удивился. Не испугался. Просто кивнул .как будто давно ждал этого вопроса.

— Я расширяю ваш сосуд, — сказал он.

— Да. Я понял. Но зачем?

Он помолчал. А потом сказал вещь, от которой у меня земля ушла из-под ног:

— Потому что пустой сосуд не ломается.

Я стоял и смотрел на него и не понимал.

— Ты думал, что я учу вас жить? — сказал он. — Нет. Я учу вас не жить. По-другому, красивее, тише, без боли, без страха, без конца...

Он сел, жестом показал садись. Я сел.

— Знаешь, в чём разница между Марком и тобой? — сказал он.

— Марк закрыл сосуд сам. Грубо, топорно и остался пустым. А я расширяю его аккуратно, красиво и ты наполняешь его, но не своим. Ты наполняешь его мной. Моим спокойствием, моей тишиной, моим «ничего не нужно».

Я молчал, потому что говорить было нечего. Он был прав.

— Ты чувствуешь себя живым, — сказал он. — Да? Тебе кажется, что ты проснулся, что ты наконец начал жить, но ты не живёшь, ты функционируешь. Ты делаешь всё правильно: дышишь правильно, чувствуешь правильно, молчишь правильно.. Ты идеальный механизм. Красивый, тихий и мёртвый.

— Но я же чувствую! — сказал я. И сам услышал, как жалко это прозвучало.

— Чувствуешь, — согласился он. — Но чьи это чувства? Твои или мои? Ты когда-нибудь задумывался, почему ты чувствуешь именно то, что я говорю тебе чувствовать? Почему тебе спокойно именно тогда, когда я говорю будь спокоен? Почему тебе хорошо именно здесь, в этой комнате, рядом со мной?

Я открыл рот. И закрыл. Потому что ответа не было.

— Я не плохой человек, — сказал он тихо без оправданий. Просто факт.

— Я просто нашёл способ не умирать. Не физически. Внутренне. Я расширил свой сосуд так давно, что в нём больше ничего не помещается. Ни боль, ни радость, ни страх, ни любовь.... Ничего. Он огромный и пустой. И я в нём, как песчинка в пустыне.

Он посмотрел на меня и в его глазах я увидел то, чего раньше не замечал. Не спокойствие. Не мудрость. Не свет. Усталость. Бесконечную, древнюю, мёртвую усталость.

— Я не могу умереть, — сказал он. — Не потому что бессмертный. А потому что мне нечем умирать. У меня нет боли, которая могла бы меня убить. Нет страха, который мог бы меня сломать. Нет любви, которая могла бы меня уничтожить. Я пуст, а пустота не умирает. Она просто есть.

Я встал. Ноги не слушались.

— И ты хочешь, чтобы я стал таким же? — спросил я.

— Я хочу, чтобы ты перестал бояться, — сказал он. — А перестать бояться — можно только одним способом -перестать чувствовать. Я просто делаю это красиво.

Я вышел. На улице был дождь, холодный, злой. И я стоял под ним и впервые за полгода мне было по-настоящему холодно, по-настоящему мокро, по-настоящему плохо. И это было — лучшее, что я чувствовал за всё это время. Потому что это было моё. Не его. Моё. Мой холод. Мой дождь. Моя боль.

Сергей не обманывал. Он правда расширял сосуд. Но не для того, чтобы ты наполнил его жизнью. А для того, чтобы в нём не осталось места для жизни. Это как комната. Ты можешь расширить её до размеров дворца, но если внутри ничего нет - это всё равно пустая комната. Просто большая, просто красивая, просто мёртвая.

Я больше к нему не ходил. И другие тоже. Постепенно. Один за другим, кто-то уходил сразу, кто-то через месяц, кто-то через год. Но уходили все, потому что рано или поздно ты замечаешь, что твоё «спокойствие» - это не твоё. Что твоя «тишина» - это не тишина, это отсутствие звука. А это разные вещи.

Сергей остался один. В своей большой пустой квартире, со своим огромным пустым сосудом и со своим бесконечным «ничего».

Я иногда думаю- может, он и правда нашёл способ не умирать. Может он и правда победил, может он единственный, кто выиграл в этой игре. Но потом я вспоминаю Лину. И Марка. И понимаю - нет. Никто не выиграл. Потому что игра дурацкая и правил в ней нет. Есть только один вопрос. Ты живой? Или ты функционируешь? И если ты не можешь ответить значит, ты уже проиграл. Даже если тебе спокойно. Даже если тебе хорошо. Даже если тебе ничего не нужно. Потому что «ничего не нужно» это не свобода. Это конец: просто тихий, красивый и абсолютно мёртвый.

Глава 5 Мой край

После Сергея я думал, что всё понял.

Ну знаешь, как бывает: тебе кажется, что ты, наконец, разобрался, то ты увидел схему, что ты умный, что ты теперь знаешь, кто прав, кто виноват, кто живёт правильно, а кто - нет. И ты идёшь по улице такой довольный, как будто сдал экзамен.

А потом жизнь бьёт тебя по затылку. Тихо, без предупреждения и ты понимаешь, что ты ничего не понял. Вообще ничего.

Это случилось в ноябре. Обычный ноябрь. Серый, мокрый, такой, в котором хочется залезть под одеяло и не вылезать до марта. Я сидел дома один, пил чай, смотрел в окно и думал: ну вот, теперь я знаю правду, я видел Марка, я видел Лину, я видел Сергея. Я знаю, как не надо. Я знаю, как надо. Осталось просто жить.

И тут позвонил телефон.

Номер незнакомый и я не хотел брать, но взял, потому что в тот момент мне было настолько всё равно, что я брал вообще всё. Любой звонок, любой голос, лишь бы не тишина.

— Алё?

— Это ты? — спросил женский голос. Старый, хриплый, как будто человек давно не разговаривал. Или разговаривал слишком много.

— А кто спрашивает?

— Неважно. Ты помнишь меня?

Я не помнил.

— Мы встречались. Давно. Ты сидел на скамейке в парке. Я сидела рядом. Мы молчали двадцать минут.

И я вспомнил.

Та женщина. Шестьдесят три года. «Я не помню ни одного дня, за который мне не стыдно». Та самая.

— Помню, — сказал я.

— Хорошо, — сказала она. — Приезжай. Я умираю. И мне нужно кое-что тебе сказать.

Я не поехал сразу, конечно не поехал. Я посидел, подумал, покрутил телефон в руках, подумал ещё, а потом поехал. Почему не знаю. Может, потому что она сказала «умираю» так спокойно. Как «приезжай на чай» без драмы, без страха.

Она жила в маленькой квартире на окраине, на пятом этаже, лифт не работал. Я поднялся пешком, запыхаясь, открыл дверь, она была не заперта.

Квартира была другая. Не пустая, как у Марка. Не аккуратная, а живая, повсюду лежали вещи: фотографии, книги, чашки, старые шарфы на стульях. Запах кофе и что-то цветочное, как будто кто-то жил здесь долго, по-настоящему и не собирался уходить.

Она сидела в кресле у окна. Маленькая, сухая, седые волосы собраны в хвост, лицо как карта, каждая морщина – дорога, каждая куда-то ведёт.

— Садись, — сказала она.

Я сел напротив и мы помолчали. Как тогда в парке двадцать минут. Только теперь не двадцать. Пять. Десять. Пятнадцать. И мне не хотелось уходить.

— Ты пришёл, — сказала она.

— Ты сказала, что умираешь.

— Да. Рак. Поджелудочная. Три месяца назад узнала. Врачи дали полгода. Прошло четыре. Осталось неделя, может две...

Она сказала это так, будто говорила про погоду. И я не знал, что сказать, потому что все слова, которые приходят в голову в такие моменты они все неправильные. «Держись». «Всё будет хорошо». «Не сдавайся». Всё это мусор. Она это знала. И я это знал.

Поэтому я просто сидел и молчал.

— Ты думаешь зачем я тебя позвала? — сказала она.

— Не знаю.

— Я позвала тебя, потому что ты единственный, кто тогда не сбежал. Все остальные встали и ушли. А ты сел. И молчал. И этого хватило.

Она посмотрела на меня и в её глазах я увидел то, чего не видел ни у кого. Ни у Марка. Ни у Лины. Ни у Сергея.

Покой, но не пустой, не мёртвый, живой покой. Как у реки, которая течёт, но не торопится, которая знает, куда идёт и ей хорошо.

— Я всю жизнь боялась, — сказала она. — Как все, боялась жить, боялась чувствовать, боялась ошибиться, боялась потерять, боялась всего. И знаешь, сколько я прожила? Шестьдесят три года. И ни одного настоящего дня.

Я кивнул, потому что я знал. Я слышал это уже от неё самой в том парке.

— Но потом, — сказала она, — когда мне сказали про рак что-то щёлкнуло.

— Что щёлкнуло?

— Страх. Он кончился, просто кончился. Как будто кто-то выключил рубильник и я вдруг поняла, а чего я боялась-то? Я и так умираю. Все умирают. Разница только в том, как ты дошёл.

Она встала, медленно подошла к полке, сняла коробку, открыла и достала фотографии. Десятки, сотни. Старые, пожелтевшие, с загнутыми углами.

— Вот, — сказала она. — Смотри.

И я смотрел.

Там была она, молодая лет двадцати, смеётся с каким-то мужчиной на берегу моря. Потом с маленьким ребёнком в красном комбинезоне. Потом одна на горе с рюкзаком. Потом с подругой, обе пьяные и счастливые. Потом она танцует на чьей-то свадьбе в красном платье босиком.

— Это последние четыре месяца, — сказала она. — Я вспомнила всё, каждый день, каждый момент, каждый вдох...

Она села обратно, положила фотографии на колени и сказала:

— Знаешь, что самое странное? Я не помню эти дни, когда боялась. Сорок лет стёрты, как будто их не было. А эти четыре месяца я помню каждую секунду. Каждый завтрак, каждый разговор, каждый закат. Я помню, как пахнет дождь, я помню, как на вкус первый глоток кофе утром, я помню, как звучит тишина, когда ты один и тебе хорошо.

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Я за четыре месяца прожила больше, чем за всю жизнь. И мне не страшно. Вообще. Ни капли. Потому что я наполнилась. До краёв. Как тот стакан, про который ты пишешь.

Я замер, потому что я ей не говорил, что пишу. Откуда она знает.

— Не удивляйся, — сказала она. — Я вижу. Я всегда видела. Просто раньше не понимала, что вижу.

Она отложила фотографии, взяла мою руку. Её ладонь была сухая горячая и крепкая. Неожиданно крепкая.

— Ты искал ответ, — сказала она. — Всё это время... В Марке, в Лине, в Сергее. Ты искал как правильно, как надо, как жить.

— Да, — сказал я тихо.

— А ответ - он не в них. Он во мне. И в тебе. И в каждом, кто когда-либо стоял на краю и не отступил.

Она сжала мою руку.

— Предел- это не стена. Ты это уже понял, но ты не понял главного. Предел - это не конец. Это момент... Момент, когда ты перестаёшь нести пустой стакан и наконец – пьёшь... Или разбиваешь его... Неважно... Важно, что ты больше не несёшь его пустым.

Она отпустила мою руку, откинулась в кресле, закрыла глаза.

— Мне не больно, — сказала она. — Хочешь знать почему?

— Почему?

— Потому что я готова, первые в жизни готова... Не к смерти, к жизни, к тому, что будет после... или не будет... мне всё равно. Потому что я уже всё сказала. Всё почувствовала. Всё прожила.

Она открыла глаза, посмотрела на меня и сказала последнее:

— Не ищи баланс, его нет. Не ищи середину, её нет. ..Ты либо несёшь пустой стакан, либо пьёшь. Третьего не дано.

Я сидел у неё до вечера. Мы не разговаривали больше. Просто сидели. Она иногда дремала. Я смотрел на фотографии, на её лицо - молодое, смеющееся, живое. И думал вот оно. Вот оно и есть. Не Марк. Не Лина. Не Сергей. Она. Обычная женщина. Шестьдесят три года. Рак. Полгода. И больше жизни, чем у всех, кого я знал.

Когда я уходил она не встала. Просто сказала:

— Напиши. Не для меня, для тех, кто ещё несёт пустой стакан.

Я кивнул. Вышел. Спустился по лестнице. Вышел на улицу. И встал.

Ноябрь. Дождь. Холод. Всё как было. Но всё другое, потому что я другой.

Я стоял под дождём. И не убегал. И не прятался. И не думал - «надо бы зонт взять». Я просто стоял и чувствовал, как вода стекает по лицу, как холод пробирает до костей, как сердце бьётся – ровно, спокойно, сильно. И я понял.

Я всю жизнь искал чужой предел. Смотрел на других, анализировал, решал кто прав, кто виноват, а свой не замечал. Свой стоял рядом, тихо, терпеливо и ждал.

Мой предел он не далеко. Он здесь. Прямо сейчас. В этом дожде. В этом холоде. В этом моменте, когда я, наконец, перестал искать и начал чувствовать.

Я не знаю, сколько мне осталось. Может много, может мало, может завтра, может через пятьдесят лет... Неважно.

Важно, что стакан в моих руках больше не пустой. Я не знаю, что в нём. Может вода, может вино, может яд, может мёд. Неважно. Важно, что я его несу. И пью. И не боюсь.

Потому что бояться это для тех, кто ещё не начал. А я начал прямо сейчас, под дождём, с пустыми карманами и полным стаканом. До краёв.

Глава 6 После дождя

Она умерла через девять дней. Я узнал не сразу. Она не звонила, не писала. Мы договорились, что не будем. Она сказала: «Не надо прощаний. Прощания это для тех, кто не успел сказать главное, а я успела».

И я не звонил. Девять дней. Я просто жил, ходил на работу, пил кофе, смотрел на людей и видел всё. Каждого. Как будто у меня сняли повязку с глаз или надели. Не знаю, как это назвать.

Я видел пустых, их было большинство. Они шли по улицам, как тени. Не злые, не добрые, просто никакие. Как будто кто-то выкрутил яркость на ноль. И они так и ходили - серые, тихие, ровные. Не замечая, что не замечают.

Я видел горящих, их было мало. Они шли иначе. Быстрее, громче, с открытыми лицами и в глазах огонь. Не всегда красивый, иногда страшный, иногда больной, но настоящий.

А потом, на десятый день, мне пришло сообщение с незнакомого номера.

«Она ушла сегодня утром. Спокойно. Во сне. Просила передать - стакан полон. Спасибо, что пришёл».

Я прочитал. Перечитал. Положил телефон. Сел на пол прямо посреди кухни на холодный кафель. И сидел, не знаю сколько. Час. Два. Может вечность.

Я не плакал. Нет. Не потому что не было больно. Больно было так, что рёбра трескали, но я не плакал, потому что она бы не хотела. Она бы сказала - не трать это на слёзы. Потрать на жизнь.

И я встал. Умылся. Вышел на улицу. И пошёл.

Куда не знал. Просто шёл. Ноги несли сами. Через дворы, через парки, через мосты Город гудел, люди спешили, машины сигналили, а я шёл и слушал. Впервые в жизни по-настоящему слушал. Не ушами. Всем.

Я слышал, как ветер шуршит листьями. Как где-то далеко смеётся ребёнок. Как старушка ругает голубей. Как мужик на скамейке тихо плачет. Как девушка поёт в наушниках фальшиво, но счастливо.

Я слышал всё и мне было хорошо. Не легко, не спокойно, просто хорошо. Так, как бывает хорошо, когда ты, наконец, перестал бежать и остановился, посмотрел вокруг и увидел мир.

На третий день после её смерти я поехал к Марку. Не знаю зачем, может потому что она бы сказала – поезжай, может потому что мне нужно было увидеть. Увидеть своими глазами, что бывает, когда человек выбирает пустоту. Не в теории. Не в книжке. А вживую.

Я позвонил в дверь. Долго стоял, думал, что не откроет или откроет и скажет «уходи». Или не откроет вообще, а может он давно не здесь. Но он открыл.

Он стоял в дверях, тот же Марк, та же квартира, та же пустота. Но что-то изменилось. Не снаружи. Внутри. В глазах. Они были другие. Не пустые, нет, они были мокрые, как будто он плакал. Давно или только что, или всю жизнь.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — сказал он.

Мы стояли в дверях, молчали, а потом он сказал:

— Заходи.

Я зашёл, сел на тот же стул, он сел напротив. И мы сидели как тогда, на крыше. Только теперь не ночь. День. Светло. И всё видно.

— Я знаю, зачем ты пришёл, — сказал он.

— Зачем?

— Ты хочешь спросить -стоило ли.

Я молчал. Потому что он был прав.

— Стоило ли? — повторил он и усмехнулся, грустно, криво.

— Знаешь, я всю жизнь думал, что сохраняю себя, что я умный, что я нашёл лазейку. А потом ты ушёл и Лина ушла, и Сергей ушёл, и все ушли. И я остался один, в пустой квартире, с полным сосудом.

Он посмотрел на меня и в его глазах я увидел то, чего раньше не видел. Не пустоту - боль. Настоящую, живую, человеческую боль.

— И знаешь, что самое страшное? — сказал он. — Я чувствую тихо, еле-еле, как будто откуда-то из-под земли, но чувствую... И это хуже, чем ничего. Потому что ничего не болит, а это болит. Каждый день, каждую секунду я чувствую, сколько я потерял и не могу вернуть.

Он сжал руки, костяшки побелели.

— Я не могу вспомнить лицо матери, — сказал он тихо. — Но я помню, что она была. Где-то там, под слоем льда я чувствую, что она была, но не вижу, не слышу, не помню. Это как знать, что у тебя было сокровище и не помнить какое.

Он замолчал. А потом сказал:

— Ты ведь видел её? Ту женщину из парка.

— Да.

— Она умерла?

— Да

Он кивнул медленно, как будто принял что-то тяжёлое, что-то настоящее

— Она была живая, — сказал он. — Я видел тогда в парке. Я видел даже сквозь свой лёд. Она была живая, а я нет.

Он посмотрел на меня и сказал вещь, от которой у меня перехватило дыхание:

— Научи меня.

— Чему?

— Чувствовать хоть что-нибудь, хоть боль... Лучше боль, чем ничего. Лучше гореть, чем быть пустым.

Я смотрел на него и не знал, что сказать, потому что я не учитель, я не гуру, я не Сергей. Я просто человек, который однажды встал под дождь и понял, что он живой.

Но я сказал:

— Не могу научить, могу только показать.

— Показывай, — сказал он.

И я показал.

Я не говорил ему красивых слов, не цитировал мудрецов, не объяснял теорий. Я просто сидел рядом молчал. И был здесь. Настоящий. Живой. Со всей своей болью, страхом, усталостью, но здесь. И он сидел рядом и молчал. И впервые за двадцать лет не прятался.

Мы просидели так час, может два, может вечность. Не знаю. Время перестало иметь значение. Было только это: два человека в пустой квартире, которые впервые за долгое время - были.

Когда я уходил он стоял в дверях. И сказал:

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не дал мне остаться пустым.

Я кивнул. Вышел, спустился по лестнице и на улице остановился, потому что я понял.

Марк он не был злодеем, он не был слабаком, он не был глупым, он был человеком, который испугался. Так сильно испугался, что решил - лучше ничего, чем боль. И прожил с этим решением двадцать лет. И только сейчас, только сейчас, решился попробовать иначе.

Может получится, может нет, может он снова закроется, может снова спрячется, может через неделю я приду и он снова будет пустым. Но попробовал и этого достаточно.

Потому что предел это не стена, это не приговор, это дверь и ты сам решаешь открыть её или нет. И когда открываешь не знаешь, что за ней. Может свет, может тьма, может ничего. Но ты открыл и это уже много.

Я шёл домой. Вечерело. Город зажигал огни, люди спешили кто куда, кто домой, кто от дома, кто к кому-то, кто от кого-то.

И я думал вот они. Все. Марки. Лины. Сергеи. Та женщина из парка. Все они здесь. Рядом. Во мне. В каждом, кого я встречаю на улице.

Потому что мы все несём свои стаканы. Кто-то полные, кто-то — пустые, кто-то разбитые, кто-то даже не знает, что несёт. И нет правильного стакана. Нет правильного способа нести. Есть только один вопрос.

Ты пьёшь? Или несёшь?

Я достал телефон, открыл заметки и начал писать. Не книгу, не историю, просто слова. Те, что копились внутри, те, что я слышал от Лины, от Марка, от Сергея, от неё, от всех.

Я писал и не думал. Просто писал. Как дышал. Как шёл. Как жил.

И знаешь, что я понял, пока писал?

Что эта книга не про них. Не про Марка, не про Лину, не про Сергея, не про ту женщину.

Она про меня, про тебя, про каждого, кто когда-либо стоял на краю и думал -прыгать или нет.

Предел он у каждого. Да. У каждой жизни, у каждого дня, у каждого вдоха. Ты не знаешь, сколько тебе осталось. Никто не знает. И в этом весь ужас. И вся красота.

Потому что если бы ты знал - ты бы боялся. А если бы не боялся - ты бы не ценил. А если бы не ценил - ты бы не жил.

И вот парадокс: чтобы жить - нужно не знать, чтобы чувствовать - нужно бояться, чтобы наполнить стакан -нужно рискнуть его разбить.

Я дописал. Закрыл телефон. Посмотрел на небо. Звёзд не было. Город. Огни. Шум. Жизнь.

И я улыбнулся. Не потому что мне весело, а потому что могу, потому что я здесь, потому что мой стакан полон. Не до краёв, может наполовину, может на четверть, но не пустой.

И этого хватит. Пока хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.